

sur très peu de choses, même les indices les plus faibles restent ouverts à l'analyse. La pédagogie du texte consiste à relier ces indices avec le tissu textuel dans lequel ils prennent sens : on reliera les indices proposés par le groupe pour les confronter, voir s'ils se recoupent ou non et ainsi peu à peu étendre les indices relevés pour les stabiliser dans une proposition d'interprétation.

Il y a là plusieurs points significatifs. D'abord s'ouvre la possibilité d'aborder des textes littéraires à des niveaux peu avancés puisque il ne s'agit pas d'explication et encore moins d'exhaustivité. Ensuite, le point d'entrée dans le texte se déplace puisque il ne s'agit plus de rapprocher les élèves lecteurs d'une interprétation type proposée par l'enseignant, mais de comparer entre eux les indices relevés pour établir ensemble un champ interprétatif. Enfin, chaque lecture sera donc différente selon les groupes et les individus, les intertextes et les modalités de lecture ; avec pour l'enseignant l'opportunité non négligeable de ne jamais lire de la même façon et d'en apprendre sur un texte pourtant bien connu.

Comme on le voit, on ne fait rien d'autre que de travailler sur l'ouverture polysémique des œuvres justement faites pour accueillir ces champs d'interprétation. Alors la lecture étrangère renvoie bien l'œuvre à elle-même, à son cœur, et la mise en scène du texte réalisée par l'auteur devient mise en œuvre quand les lecteurs s'en emparent pour exprimer, à travers elle, et comme sans doute ils n'auraient pu le faire sans elle, leurs émotions, leurs sentiments, leur vision du monde (Bourdet 99); vision soudain perceptible à travers la langue étrangère dans laquelle s'est écrit le texte et dans laquelle se marque sa lecture.

Bibliographie

Bourdet, J.F., (dir.), « Fiction littéraire et apprentissage des langues », *Etudes de Linguistique Appliquée*, n° 115, septembre 1999. Gadamer, H.G., *Vérité et méthode*, Paris, Seuil, 1996. (édition originale 1960). Greimas, A.G., *Sémantique structurale*, Paris, Larousse, 1966. Iser, W., *L'acte de lecture : théorie de l'effet esthétique*, Bruxelles, Mardaga, coll. « Philosophie et langage », 1985. Jakobson, R., *Essais de linguistique générale*, vol. I et II, Paris, Minuit, 1963 et 1973. Jauss H.R., *Pour une esthétique de la réception*, Paris, Gallimard, coll. "TEL", 1978. Todorov, T., *Théorie de la littérature, textes des formalistes russes*, Seuil 1965.

УДК 811.111

ДОМБРОВАН Т.І.

(Одесский национальный университет им. И.И.Мечникова)

ФРАКТАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ МЕГАСИСТЕМЫ

Исходя из теории самоорганизации сложных систем и применяя концептуальный аппарат лингвосинергетики, в статье исследуются некоторые особенности построения языка как мегасистемы. Доказывается, что в основе языковой организации лежит фрактальный принцип формообразования, способствующий как внутриуровневой, так и межуровневой интеграции компонентов системы.

Ключевые слова: синергетическая методология, лингвосинергетика, система, фрактал

Домброван Т.І. Фрактальный принцип організації мовної мегасистеми. Виходячи з теорії самоорганізації складних систем і використовуючи концептуальний апарат лінгвосинергетики, у статті досліджуються деякі особливості побудови мови як мегасистеми. Доводиться, що в основі мовної організації лежить фрактальний принцип формотворення, що сприяє як внутрішньо-рівневій, так і міжрівневій інтеграції компонентів системи.

Ключові слова: синергетична методологія, лінгвосинергетика, система, фрактал

Dombrovan T.I. Fractal Nature of Organization of Language Megasytem. Basing on the theory of self-organization of complex systems and employing the conceptual equipment of linguosynergetics, the article studies certain peculiarities of language organization as a megasytem. The author proves that the language megasytem is of fractal nature, which brings about both intra-level and inter-level integration of system components.

Key words: synergetic methodology, linguosynergetics, system, fractal

*Когда говорят о красоте языка, то имеют в виду,
прежде всего, лексику и стилистику,
а грамматика считается сухой и скучной.
Между тем грамматическая система
отличается внутренней красотой и гармонией.*

В.С. Юрченко

Современные научные исследования характеризуются междисциплинарностью подхода к объекту изучения, использованием наработок в смежных и «неродственных» науках для усовершенствования исследовательского инструментария, уточнения и/или пересмотра используемого категориального аппарата, методологического расширения возможностей всестороннего исследования своего объекта. В новейшей лингвистике такие возможности, как нам представляется, открываются в рамках синергетического подхода к исследованию проблем эволюции и функционирования естественного языка в целом и его подсистем, в частности.

Синергетика, или теория самоорганизации, занимается, среди прочего, изучением становления и развития сложноорганизованного целого, выявлением внутренних механизмов эволюции и самоорганизации открытых нелинейных динамических систем. Сложные системы различной онтологии окружают нас повсюду. Открытие и описание законов эволюции сложных систем свидетельствует об универсальности процессов, имеющих место в мире. Отсюда – универсализм и междисциплинарность синергетики, возможность применения обобщенных теоретических моделей в качестве метода научных изысканий. По словам Е.Н.Князевой, синергетика очерчивает общие рамки исследования, ментальную схему, эвристический подход к решению той или иной проблемы, обеспечивает ученых определенной установкой при изучении поведения сложных систем в различных областях науки [Князева, Курдюмов 2011, с. 50].

Правомерность синергетического подхода в языкознании обусловлена и тесно связана с традициями и наработками в рамках сравнительно-исторической, структурной и функциональной научных парадигм, что позволяет говорить «о преемственности лингвосинергетики по отношению к другим направлениям фундаментального языкознания» [Пономаренко 2010, с. 26]. Следовательно, лингвосинергетику можно рассматривать как новый виток системных исследований.

Применение в лингвистике методологии и понятийного инструментария синергетики оказалось оправданным при исследовании в области текста и дискурса (см. работы российских ученых К.И.Белоусова, Г.Г.Москальчук, Е.В.Пономаренко, белорусской исследовательницы Е.Ю.Муратовой, украинских филологов Л.С.Пихтовниковой, Я.В.Быстрова и др.). **Цель** настоящей статьи – рассмотреть в ракурсе синергетического подхода особенности организации языковой мегасистемы, в частности, возможность экстраполяции понятия «фрактал» на систему естественного языка. Для достижения цели в статье посильно решаются такие **задачи**: определить понятия «фрактал», «фрактальность», выделить их основные свойства, очертить сферу применения этих понятий в естественных науках, а затем рассмотреть правомерность проецирования их на языковую систему. **Объектом** анализа выступает иерархически организованная языковая мегасистема, **предмет** анализа заключается в выявлении интеграционных связей между компонентами различных уровней языка. **Актуальность** работы состоит в использовании категорийного аппарата лингвосинергетики как нового направления в языкознании.

Категорийный аппарат лингвосинергетики включает в себя такие понятия, как аттрактор, бифуркация, параметры контроля, эмерджентность, самоорганизация, фрактал и некоторые другие, служащие для описания возникновения и развития сложных систем.

Естественный язык, как известно, также рассматривается в качестве сложного системно-структурного образования. Используя синергетическую терминологию, предлагаем определять язык как открытую, динамическую, нелинейную, неравновесную мегасистему, состоящую из множества сложноорганизованных ко-эволюционирующих систем и подсистем, управляемых определенными параметрами порядка с целью сохранения стабильности и функциональности данной системы.

Понятие *фрактал* и производные от него *фрактальная размерность*, *фрактальный принцип организации* сегодня широко используются в точных науках и начинают проникать в сферу гуманитарных наук. Что же включает в себя понятие фрактал? Какими свойствами обладают фракталы? Каким образом данное понятие может быть применено к языку?

Термин *фрактал* (от лат. прилагательного *fractus* – ломаный, дробный, прерывистый и от соответствующего глагола *frangere* – разрывать, прерывать, дробить) ввел в научный обиход выдающийся математик XX века Бенуа Мандельброт, автор известной книги «Фрактальная геометрия природы». Удачность выбранного термина, по словам В.В.Тарасенко, «провоцирует становление новой формообразующей категории, основанной на представлениях о негладкости, нелинейности, изрезанности, внутренне присущих вводимой категории» [Тарасенко 2009, с. 94]. Фракталами называют такие объекты, которые обладают свойством самоподобия, или масштабной инвариантности: «Это означает, что малый фрагмент структуры такого объема подобен другому, более крупному фрагменту или даже структуре в целом» [Князева, Курдюмов 2010, с. 96].

Самоподобие (тж. скейлинг) выделяют в качестве основного свойства фракталов. Это – схожесть картин, которые возникают в поле зрения при увеличении разрешающей способности наблюдения; независимость их от масштаба. При чем самоподобие может быть геометрическим, статистическим, а также – по идентичности способов описания структуры множества [см.: Маврикиди 2000, с. 78]. Примерами фрактальных образований в природе могут служить облака, горные цепи, изрезанная береговая линия, кроны деревьев, т.п. Фрактальность демонстрирует вся Вселенная: строение Солнечной системы в определенной мере подобно строению атома.

Фракталы несут идею нелинейности, изменчивой эволюционирующей непрерывности системы, повторяющей в общих чертах свою структуру на различных уровнях организации. «Популярность» фракталов, по мнению некоторых ученых, свидетельствует о смене интеллектуальной доминанты: «Для эпохи квантовых компьютеров и соответствующих им моделей мозга идея непрерывности может оказаться снова (как при Ньютоне) не менее важной, чем дискретность была для рубежа 19 и 20 веков» [Иванов 2004, гл.1]. Отход от дискретности, как нам видится, позволяет по-новому взглянуть на взаимную сопряженность иерархически соположенных систем внутри такой мегасистемы, какой является язык.

В лингвистике уже сделаны первые попытки осмысления семиотики [Степанов 1998] и поэтического дискурса [Муратова 2011] с позиций фрактальности. В частности, Е.Ю.Муратова выделяет два типа фракталов в языке: семантические и фонетические. Семантические фракталы понимаются как «группировка возможных смыслов вокруг смыслового инварианта», а их основная функция, по мнению автора, – «удерживать возможные смыслы одной фразы в пределах некоторой мыслимой целостности» [Муратова 2011, с. 18]. Фонетический фрактал – это «фоносемантические границы языковых единиц, имеющих свойства инвариантности: наблюдается изменение их значения под влиянием звучания, но обязательно в рамках определенной фоносемантической целостности данного языкового комплекса» [там же, с. 18–19]. Функция фонетического фрактала, считает Е.Ю.Муратова, заключается в обозначении условных границ «влияния означающего языкового знака на его означаемое, поскольку это влияние объективно не может быть безграничным» [там же]. Исследовательница приводит пример: «*Строительница струн – приструню / И эту. Обожди/ Расстраиваться* (М.Цветаева) и анализирует его так: «Все четыре лексемы объединяются одной фонетической фракталью – звуковым комплексом *стр*, в результате чего происходит взаимопроникновение разных сем значений друг в друга и выявляются новые, неэксплицированные смыслы» [там же, с.19].

Мы, однако, не склонны считать аллитерацию проявлением фрактальности языка. В таком «горизонтальном», одноуровневом срезе с трудом видится рекурсивность организации системы. Мы считаем, что суть фракталов – в масштабной инвариантности, в «вкладывании» и пронизывании системы по вертикали, во включении в фрагмент информации о целом и наоборот. В этой связи доктор физико-математических наук А.Дмитриев (РАН, Москва) пишет: «Если посмотреть на фрактальный объект в целом, затем на его часть в увеличенном масштабе, потом на часть этой части и т.п., то нетрудно увидеть, что они выглядят одинаково. Фракталы самоподобны – их форма воспроизводится на различных масштабах» [Дмитриев 2001, с. 44].

«Часть в целом и целое в части» – вот суть фрактального принципа организации сложной системы. Свообразным «отпечатком» целого в части мы считаем субъектно-предикатные отношения.

Безусловно, субъектно-предикатные отношения (S – P) лежат в основе семантико-синтаксической организации подавляющего большинства предложений и являются «основной речеобразующей структурой» [Морозова 2011, с. 170]. Анализ предложения в рамках трансформационно-генеративной грамматики всегда начинался с выделения группы подлежащего (именной группы) и группы сказуемого (глагольной группы). Такое выделение обусловлено особенностями человеческого мышления – необходимостью различения предмета и формы мысли, на что обратили внимание еще мыслители древности и последующих эпох. В частности, А.Арно и К.Лансло в «Грамматике общей и рациональной Пор-Рояля» (1660-1662) указывали: «...люди, нуждаясь в знаках для обозначения того, что происходит в их сознании, должны были неизбежно прийти к наиболее общему разделению слов, из которых одни обозначали б объекты мыслей, а другие – форму и образ мыслей». К первому типу относились имена, ко второму – глаголы [Арно, Лансло 1990, с. 93]. И хотя нельзя проводить параллель между субъектом и именем, с одной стороны, и предикатом и глаголом, с другой, поскольку это сущности разнопланового порядка (одни относятся к синтаксису, другие – к морфологии), все же следует признать, что субъект предложения, как правило, выражен именной группой, а предикат – глагольной группой, составные компоненты в рамках которых образуют те или иные синтаксические структуры (модификации, комплементации, координации и/или комбинации из них).

Субъектно-предикатные отношения обнаруживаются и на уровне словообразования. Рассмотрим, например, отношения между компонентами составных английских существительных *woman-driver, lady-teacher, man-servant, boyfriend, boy-messenger, a guard dog*. Нетрудно заметить, что в данных словах компоненты организованы по принципу «некто1, кто является/работает в качестве

некто2»:

a woman-driver = 'a woman who is a driver' «женищина, являющаяся водителем»,
a lady-teacher = 'a lady who works as a teacher' «женищина, работающая учительницей»,
a boyfriend = 'a boy who is a friend' «парень, являющийся другом»,
a boy-messenger = 'a boy who works as a messenger' «мальчишка, работающий

рассыльным»

a guard dog = 'a dog trained to guard a place or person' «сторожевая собака» и т.д.

В составных существительных типа *bee sting*, *headache*, *sunrise*, *sunset* (*AmE sundown*), *snowfall* также просматриваются субъектно-предикатные отношения:

a bee sting = 'a bee stings' «пчела жалит»,
a headache = 'the head aches' «голова болит»,
a sunrise = 'the sun rises' «солнце встает»,
a sunset = 'the sun sets' «солнце заходит»,
a sundown = 'the sun is down' «солнце заходит»,
a snowfall = 'the snow falls' «снег падает».

Субъектно-предикатная структура обнаруживается и в отношениях между компонентами таких составных прилагательных, как *footsore* и *heart-sick*, в которых S–P структура заключена как бы в свернутом виде: 'the foot is sore', 'the heart is sick'.

Проведенный анализ показывает, что S–P структура является лишь одной из ряда моделей словообразования [см. подробнее: Домброван 2009, с. 61-63; Greenbaum 1996, с.462]. В современном английском языке представляется возможным выделить такие модели словообразования, которые можно рассматривать в качестве «свернутых» или «сжатых» синтаксических структур комплементации, координации и модификации, первая из которых на уровне предложения участвует в формировании предиката Р. Все это подтверждает наше предположение о фрактальном принципе организации языковой мегасистемы, пронизывающем «по вертикали» иерархически соположенные уровни языка.

Выводы. Субъектно-предикатные отношения, суть которых заключается в приписывании субстанции-субъекту тех или иных признаков, свойств и/или отношений с другими субстанциями, очевидно, находятся в основе базовых мыслительных операций нашего сознания. В то же время представляется возможным рассматривать данный вид отношений как отражающийся в языке результат когнитивной деятельности человеческого сознания, непрерывно структурирующего и вновь воссоздающего изменчивый окружающий мир. Субъектно-предикатные отношения пронизывают языковую структуру «по вертикали»: они могут имплицироваться в свернутом виде – в слове, разворачиваться – в словосочетании и в полной мере раскрываться в предложении.

Приведенные выше немногочисленные примеры составных слов и их анализ ярко свидетельствуют о фрактальной организации языковой системы как об иерархии вложенных динамических структур. Субъектно-предикатную структуру можно рассматривать в качестве одного из паттернов самоподобия, характеризующих фрактальную сущность языковой организации.

Перспективным видится исследование структурно-семантической организации составных слов, исходя из фрактального принципа формообразования. Такой подход резонирует с современным пониманием задач науки, связанных с установлением «механизма конкретных взаимосвязей элементов глобальной пространственно-временной вертикали» [Котельников, с.33] на основе применения фрактального принципа, открывающего «неисчерпаемые возможности синтеза научного знания, чтобы создавать необходимые стартовые предпосылки для лучшего познания и практического освоения просторов Вселенной, реализации потенциалов человеческого разума» [там же].

Литература

- Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. – М.: Прогресс, 1990. Белоусов К.И. Синергетика текста: От структуры к форме / К.И.Белоусов. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. – 248 с. (Синергетика в гуманитарных науках.) Бистров Я.В. Моделивання авторської концептосфери: лінгвосинергетичний аспект (на матеріалі англійської мови) / Я.В.Бистров // Вісник ХНУ ім. В.Н.Каразіна. – № 973. – Серія «Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов». – Вип. 68. – Харків, 2011. – С. 130 – 134. Дмитриев А. Хаос, фракталы и информация // Наука и жизнь. – 2001. – № 5. – С. 44-52. Домброван Т.І. Загально-теоретичний курс англійської мови як другої іноземної: Курс лекцій / Т.І.Домброван. – Вінниця: Нова книга, 2009. – 128 с. Иванов Вяч.Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. – М, 2004. – 208 с. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции / Е.Н.Князева, С.П.Курдюмов / Вступ ст. Г.Г.Малинецкого.– М.: КомКнига, 2011. – 272 с. (Серия «Синергетика: от прошлого к будущему».) Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики: Синергетическое мировидение / Е.Н.Князева, С.П.Курдюмов. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 256 с. (Серия «Синергетика: от прошлого к будущему».) Котельников Г.А. Теоретическая и прикладная синергетика. – Режим доступа:

<file:///C:/Documents%20and%20Settings/%D0%90%D0%>. *Маврикиди Ф.И.* Фракталы: постигая взаимосвязанный мир // Грани науки: Журнал Благотворительного Фонда «Дельфис». – 2000. – № 3. – С.78-84, послесловие к статье С.84-85. *Морозова И.Б.* Предикативность и предикация в когнитивно-коммуникативной парадигме / И.Б.Морозова // Вісник ХНУ ім. В.Н.Каразіна. – № 973. – Серія «Романо-германська філологія.Методика викладання іноземних мов». – Вип. 68. – Харків, 2011. – С. 165 – 172. *Москальчук Г.Г.* Структура текста как синергетический процесс / Г.Г.Москальчук. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – 296 с. *Муратова Е.Ю.* Лингвосинергетика поэтического текста / Елена Муратова. – Мн.: Изд-во «Простобук», 2011. – 219 с. *Пихтовникова Л.С.* Синергетический метод для исследования дискурса в прагматилистическом аспекте / Л.С.Пихтовникова // Вісник ХНУ. – 2009. – № 848. – С.48-52. *Пихтовникова Л.С.* Стилістика і синергетика дискурсу / Л.С.Пихтовникова // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен. – Харків: ХНУ ім. В.Н.Каразіна, 2005. – С. 29-35. *Пономаренко Е.В.* Английский дискурс в свете функциональной лингвосинергетики / Е.В.Пономаренко // Филологические науки. – 2006. – № 5. – С. 100-110. *Пономаренко Е.В.* О принципах синергетического исследования речевой деятельности / Е.В.Пономаренко // Вопросы филологии. – 2007. – № 1. – С. 14-23. *Пономаренко Е.В.* Лингвосинергетика бизнес-общения с позиций компетентностного подхода (на материале английского языка): монография / Е.В.Пономаренко; МГИМО (ун-т) МИД России, каф.англ.яз. № 5. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – 151 с. *Степанов Ю.С.* Язык и метод. К современной философии языка. /Ю.С.Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1998. *Тарасенко В.В.* Фрактальная семиотика: «слепые пятна», перипетии и узнавания /Закл.ст.Ю.С.Степанова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 232 с. *Юрченко В.С.* Философия языка и философия языкознания: Лингвофилософские очерки /Отв.ред.Э.П.Кадькалова. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 368 с. (Серия «История лингвофилософской мысли»). *Greenbaum, S.* The Oxford English Grammar. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 652 p.

УДК 81'1'42:1

ЛЕБІДЬ О. М.

(Національний педагогічний університет імені М. П. Драгоманова)

ОСОБЛИВОСТІ ПЕРСУАЗИВНОГО ВПЛИВУ У ФІЛОСОФСЬКОМУ ДИСКУРСІ

У статті проаналізовано особливості персуазивного впливу у філософському дискурсі, визначено суть поняття персуазивності у сучасних лінгвістичних працях, описано стратегії і тактики персуазивного впливу у філософському дискурсі.

Ключові слова: дискурс, персуазивність, стратегії, тактики.

Лебідь О. Н. Особенности персуазивного влияния в философском дискурсе. В статье проанализированы особенности персуазивного влияния в философском дискурсе, определена суть понятия персуазивности в современных лингвистических работах, описаны стратегии и тактики персуазивного влияния в философском дискурсе.

Ключевые слова: дискурс, персуазивность, стратегии, тактики.

Lebid O. M. The features of persuasive effect in philosophical discourse. The article deals with the persuasive features in philosophical discourse, the concept persuasiveness is investigated and determined in modern linguistic researches, strategies and tactics of persuasive effect are described in philosophical discourse.

Key words: discourse, persuasiveness, strategy, tactics.

Сучасна теорія комунікації характеризується міждисциплінарним характером, що виявляється в дослідженні її проблем на межі різних наук. Мова, як і теоретичне (філософське) мислення, за своїм походженням, за своїми основними функціями та характером свого розвитку і видозмін – явище суспільне, тому наука про мову, безумовно, тісно пов'язана з філософією. В ряді наук, які тяжіють до єдності, напевно, саме лінгвістика і філософія звернені один до одного. Це має і глибоке генетичне коріння, що висвітлюється в працях В. Гумбольдта, О. О. Потебні та ін. [Потебня 1999, с. 42-43; Гумбольдт 1985, с. 383-384].

Філософська наука утворює ту базу, на якій розвивається мовознавство, і вивчає процеси народження, обґрунтування і трансляцію філософських ідей. Цей процес постає перед дослідниками у формі філософського тексту, в мовних структурах якого лежить філософський дискурс. З огляду на це, дискурс умовно можна поділити на науковий та філософський, де перший має за мету дослідити буття в об'єктивній дійсності, а другий – роздуми, пізнання буття у віртуальному різноманітті його форм, структур, рівнів [Кротков 2002, с. 131].

Дискурс філософії є складним лінгвістичним концептом, за дескрипцією І. В. Малиновської, що містить у собі розмаїття складностей, яке тільки може становити об'єкт лінгвістичного дослідження: невизначеність меж і термінології, відсутність одноманітної організації тексту, змішування строгих і розпливчастих композиційних форм, розмитість (а іноді й відсутність) термінологічних дефініцій, імплікаційність підтексту, насичена ідіалектність, поліжанровість, що наближає цей дискурс до